

СЕМАНТИКА ЖАНРА И ЖАНРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е.Е. ПРИКАЗЧИКОВА

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1 (Данилов М.В.)

ББК Ш5 (2Рос=Рус)4

«ЗАПИСКИ» МАЙОРА М.В. ДАНИЛОВА КАК ОБРАЗЕЦ УТОПИИ-ЭВСПИХИИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются «Записки» майора М.В. Данилова как текст, представляющий собой вариант утопии-эвпсихии, ставящей своей целью дать образец идеального бытия личности в эпоху русского Просвещения. Автор статьи предлагает использовать для характеристики мемуарного варианта данного вида утопий термин «утопия как реальность». В ходе анализа «Записок» М.В. Данилова автор приходит к выводу, что литературным образцом для создания «утопии как реальности» для мемуариста была поэма «Опыт о человеке» английского поэта А. Поупа. Антропоцентрическая проблематика поэмы стала объектом для подражания для автора записок, которому удалось в 70-е годы XVIII века создать один из первых вариантов семейно-бытовых мемуаров в русской словесности.

Ключевые слова: Просвещение, утопия-эвпсихия, «утопия как реальность», антропоцентризм, мемуарно-автобиографическая литература.

Центральное место среди этико-эстетических представлений эпохи Просвещения занимало представление о познающем и преобразующем мир по законам Разума человеке. Этот антропологический дискурс эпохи находит своё отражение в «Метафизическом трактате» Вольтера и трактате К.А. Гельвеция «О человеке», трактате А.Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» и знаменитой поэме А. Поупа «Опыт о человеке», оде И. Пнина «Человек» и поздней оде Г.Р. Державина «Христос», где впервые в русской литературе появляется термин Человекобог.

М. Дунаев явно преувеличивал, заявляя, что «XVIII век был для России временем очевидной культурной деградации. Искусство при-

нялось обслуживать человеческую праздность, а не служить Истине»¹. На самом деле XVIII век был столетием активного поиска человеком смысла жизни, который не мог не привести его к осмыслению своего места в божественном мире. Рядом с образом Бога появляется фигура Человека, познающего Бога и себя. В соответствии с новой просветительской логикой Ж. Делиль в поэме «Сады» напишет: «Смелей! Мир создал бог, украсил – человек!»². А М.М. Херасков в масонской поэме «Владимир Возрожденный» признавался:

Наука трудная, непостижима в век,
Для человека есть наука – человек³!

Очень много для понимания просветительского антропоцентризма дает поэма английского поэта А. Поупа «Опыт о человеке». В этом произведении А. Поуп утверждал принципиально срединное положение человека в мире между миром божественным и миром тварным:

Ты между крайностей, вот в чем подвох;
И ты, быть может, зверь, быть может, Бог⁴.

«Опыт о человеке» воспринимался просветителями как гимн человеческому величию, утверждаемому, несмотря на все слабости человеческой природы. И. Шайтанов так писал о замысле А. Поупа: «Он просто решился доказать, что человек велик – несмотря ни на что»⁵.

Именно этот пафос эпохи обусловил особый интерес к утопиям-эвпсихиям, ставящим своей целью представить идеальный, а порой и альтернативный, вариант жизненного пути автора. Исследователи Д.В. Устинов и А.Ю. Веселова предлагают использовать термин «утопия как деятельность»⁶ в том случае, если содержанием утопии становится сам акт человеческой жизни. «Утопия как деятельность» отличается от любого стремления к идеалу вообще «законченностью и сфор-

---

¹ Дунаев М.М. Православие и русская литература : в 5 ч. М. : Христианская литература, 1996. Ч. 1. С. 45.

² Делиль Ж. Сады. М. : Наука, 1987. С. 47.

³ Херасков М.М. Владимир Возрожденный. Эпическая поэма // Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные : в 12 ч. М. : Типография М. Пономарева, 1809. Ч. 2. С. 102.

⁴ Поуп А. Опыт о человеке // Поуп А. Поэмы. М. : Худож. лит., 1988. С. 155.

⁵ Шайтанов И. Имя, некогда славное // Там же. С. 23.

⁶ Устинов Д.В., Веселова А.Ю. «Утопия как деятельность» в русской культуре II половины XVIII в. // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. История, языкознание, литература. 1998. № 1. С. 77-85.

мулированностью конечной цели, а также осознанностью и продуманностью путей ее достижения»⁷. Реализуя утопические идеалы, человек «может предложить свою жизнь в качестве примера для других людей, т.е. постараться воздействовать на общество посредством наглядного убеждения»⁸. Рассматривая различные варианты «утопии как деятельности», авторы отмечают существование четырех видов текстов, которые могут претендовать на статус «утопии как деятельности».

Первый вид текстов дает «подробное описание собственного жизненного опыта, являвшегося средством наглядного убеждения. Сюда можно отнести различные “записки” и “описания” мемуарного характера»⁹. Ко второму виду авторы относят всевозможные дидактические наставления, «прямо предписывающие, что нужно делать для достижения счастливого состояния»¹⁰. Третий путь предполагает случай, когда «писатели, оказавшиеся в кругу людей, пытавшихся воплотить утопические идеи на практике, вводили эти идеи в свои произведения. В этом случае “утопия как деятельность” оказывала влияние на художественную структуру произведения, иногда даже приобретая в ней определяющее значение»¹¹. Кроме того, авторы статьи предполагают существование четвертого варианта «утопии как деятельности», когда «утопические идеи и рекомендации, получив авторитет письменного текста, приобретали статус практического руководства для самих же авторов. Текст (в том числе и художественный) начинал определять жизненную позицию и поведение не только читательской аудитории, но и его создателя, последнего, может быть, даже в большей степени»¹². На наш взгляд, в этом случае речь должна идти не столько об утопии, сколько о культурной мифологии в ее романтическом изводе. В случае подобного мифотворчества, по справедливому мнению А.Ф. Косарева, «человек создает ... индивидуальные, предназначенные для личного пользования мифы. <...> В своих мечтаниях и грезах он... проживая заново далекие события и “исправляя” их в соответствии с его теперешними взглядами на жизнь, ставит себя на место других людей, совершает героические, преувеличивает свои положительные (с его точки зрения) качества и преуменьшает или переносит на других отрицательные, анализирует пройденный им жизненный путь и продумывает, как бы он построил его, начни жизнь снова»

---

⁷ Устинов Д.В., Веселова А.Ю. «Утопия как деятельность»... С. 79.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ла <...> Иначе говоря, человек выстраивает относительно себя самый настоящий миф – “миф моей жизни” (Я.Э. Голосовкер)¹³. В первой трети XIX века в качестве примера подобного «мифа моей жизни» могут быть рассмотрены «Военные записки» Д.В. Давыдова, которые построены таким образом, что в них освещаются самые «выигрышные», самые поэтические страницы биографии поэта-партизана. В целом в них осуществляется романтическое моделирование личности автора, точнее, попытка перенести лирического героя своей «гусарской лирики» в военно-мемуарную прозу, осознание себя «самой поэтической фигурой русской армии». Записки начинаются встречей с великим А.В. Суворовым, благословившим его выиграть три сражения, и кончаются победоносными компаниями 1812-1814 годов, куда он, по его собственным словам, навсегда «врубил» свое имя.

Из четырех намеченных путей реализации «утопии как деятельности» самым продуктивным и находящим наиболее широкое отражение в литературной традиции XVIII столетия нам кажется первый путь, связанный с «записками» и «описаниями» мемуарного характера. Однако, на наш взгляд, при передаче специфики именно мемуарного варианта «утопии как деятельности» целесообразнее будет использоваться термин «*утопия как реальность*», который означает, что утопический проект жизнедеятельности автора строится в контексте той реальной действительности, в который обычно живет и действует автор, и эта действительность под его пером становится утопией.

Действительно, если «утопия как деятельность» воплощает себя в самой жизни человека как специфическом житнетворчестве («селфмейдменстве»), делании самого себя, то логично предположить, что эта утопия должна максимально выражать себя в жанре, основная цель которого и заключается в том, чтобы наиболее полно и адекватно выразить собственную концепцию бытия того или иного человека. Можно сказать, что исключительная роль мемуарно-автобиографических текстов в контексте русской утопии второй половины XVIII – начала XIX века объясняется их принципиальной личностной установкой. Частному человеку было трудно заняться мироустройством целой вселенной, зато он мог заняться мироустройством своей собственной жизни, создавая вполне утопические по духу жизнеописания.

В русской мемуарно-автобиографической литературе можно найти достаточно много текстов, в которых автор-мемуарист реализует подобную утопическую установку. Например, М.А. Крючкова (2009)

---

¹³ Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и её эвристическое значение. М. : Университетская книга, 2000. С. 6-7.

полагала, что к подобному типу мемуарных произведений лучше всего подходит определение «философской» («героической») автобиографии, приводя в качестве примера биографические записки И.Д. Ершова, имеющие название «Житие раба божьего Ивана Давидова сына Ершова, самим им написанное», текст которого хранится в РНБ ОР. Ф. 550. Г. XVIII¹⁴. Автор произведения – Иван Дмитриевич Ершов, происходивший из старообрядческой купеческой семьи, решил на самом себе испытать справедливость просветительской утопии человеческой жизни. Так, недовольный состоянием современной литературы, Ершов в 30-е годы (!) XIX века написал автобиографическую повесть «Русский Кандид», анонимно опубликованную А.Ф. Смирдиным в 1833 году. В качестве примера других «философских» автобиографий М.А. Крючкова называет «Жизнь и приключения...» А.Т. Болотова, частично «Записки» Екатерины II.

Разумеется, ограничить ряд «философских» (по терминологии Крючковой) текстов только двумя-тремя произведениями никак нельзя. Одним из интереснейших мемуарных текстов, в которых реализуется установка на «утопию как реальность», являются «Записки артиллерии майора М.В. Данилова, написанные им самим в 1771 году». Хронологический охват событий в записках – 1722-1771 годы. В этом произведении автор рассматривает свой жизненный путь через призму жизненной философии, нашедшей свое отражение в известнейшей поэме английского просветителя А. Поупа «Опыт о человеке». В отличие от «Записок» Екатерины II и «Жизни и приключений» А.Т. Болотова, «Записки майора Данилова» никогда не становились объектом самостоятельного филологического исследования. В своё время Г. Гачев, говоря о мемуарах как об образце альтернативной русской литературы, приводил в качестве примера записки А.Т. Болотова, видя в них образец «частной честной жизни»¹⁵. То же самое можно сказать уже и о записках М. Данилова.

На первый взгляд, «Записки» М.В. Данилова отражают жизнь и быт «маленьких людей», что позволяет отнести автора к бытоописателям нравов, наподобие С. Аксакова с его «семейными мемуарами» – «Семейными хрониками» «Детскими годами Багрова-внука». Не случайно Н. Добролюбов в известной статье о «Детских годах Багрова-

---

¹⁴ Крючкова М.А. Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. (по поводу мемуаров И.Д. Ершова) // Человек эпохи Просвещения. М. : Наука, 1999. С. 138-155.

¹⁵ Гачев Г. Частная честная жизнь. Альтернативная русская литература // Литературная учеба. 1989. № 3. С. 119-128.

внука» включил выдержки из записок Данилова в качестве исторического комментария к произведению С. Аксакова¹⁶. Ссылался Н. Добролюбов на даниловские записки и в своей работе «Русская сатира в век Екатерины». Критик и издатель XIX века П.П. Пекарский замечал: «Читая их (записки Данилова – Е. П.), невольно убеждаешься в истине нередко повторяемой мысли, что описание жизни человека самого обыкновенного гораздо любопытнее иного романа»¹⁷.

Правда нельзя забывать, что между мемуарным жанром и жанром романа уже в XVIII веке существовала принципиальная разница. Мемуарный текст имел установку на изображение реальных событий, на «документальность», в то время как роман культивировал «вымысел», выражающий себя в зависимости «от литературных условностей», в «непрерывном нанизывании одного за другим событий ради занимательности романа»¹⁸. Это прекрасно понимали и сами мемуаристы. Достаточно вспомнить жесткую критику А.Т. Болотовым мемуаров З. Хомякова, в которых «просвещенный» мемуарист увидел презираемый им жанр приключенческого романа с характерной для него поэтикой, прежде всего интригующими сюжетными ходами и «романической» клишированной характеристикой действующих лиц. Поэтому, безусловно, был прав А. Герцен с его опытом и романиста, и мемуариста, говоря, что «герои романов похожи на анатомические препараты из воска. <...> У слепка, как у статуи, все снаружи, ничего за душой, а в препарате засохла, остановилась, оцепенела сама жизнь, со всеми случайностями и тайнами»¹⁹.

Менее всего в записках Данилова следует искать сведений о событиях государственной, военной, исторической жизни эпохи, что обычно составляло пафос мемуарных текстов, вышедших из-под пера мужчин-мемуаристов: сенаторов, кабинет-министров, фельдмаршалов и действительных тайных советников. Перед нами углубленное автобиографическое повествование с подробным рассказом об отдаленных предках и ближайших родственниках, о своем воспитании, обстоятельствах частной жизни и душевных переживаниях, с резко очерченными портретами рядовых людей его круга, с мастерскими описаниями нравов и быта провинциального дворянства. Как справедливо заметила Г.Г. Елизаветина: «...с его записками входит в рус-

---

¹⁶ Добролюбов Н. Собр. соч. : в 3 т. М. : Гослитиздат, 1950. Т. 1. С. 350-351.

¹⁷ Пекарский П.П. Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. № 8. С. 80.

¹⁸ Елизаветина Г.Г. Становление жанра автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. М. : Наука, 1982. С. 249.

¹⁹ Герцен А. Полн. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 18. С. 87.

скую мемуаристику описание нравов среднего и мелкого дворянства»²⁰.

Можно сказать, что в записках Данилова утверждалась тема той помещичьей, усадебной жизни, которая так поразила первых зрителей «Бригадира» и «Недоросля» Д.И. Фонвизина. А типажи, которые предлагает вниманию читателя Данилов, мало чем отличаются от героев классических комедий. Чего стоит, к примеру, в записках образ родственницы мемуариста – вдовы Матрены Петровны, некоторыми чертами своими живо напоминающая госпожу Простакову.

Вот как, к примеру, Матрена Петровна имеет обыкновение кушать: «Вдова охотница великая была кушать у себя со столом щи с бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я не жил, не помню того, чтоб прошел хотя один день без драки: как скоро она примется свои щи любимые за столом кушать, то кухарку, которая готовила те щи, притащат люди в ту горницу, где мы обедаем, положат на пол и станут сечь батожьем немилосердно, и покуда секут и кухарка кричит, пока не перестанет вдова щи кушать. Это так уже введено было во всегдашнее обыкновение: видно для хорошего аппетита» [43]²¹.

Второй характерный «антипедагогический» эпизод связан с эпохой пребывания мемуариста у вдовы Матрены Петровны и сразу воскрешает в памяти дух фонвизинского «Недоросля». Правда, вместо сына Митрофанушки у вдовы был племянник Ванюшка, которого она без памяти любила и всё ему прощала. В результате вот как мемуарист учился грамоте вместе с Ванюшкой: «Как у вдовы любимый ее племянник еще читать не разумел, то от великой на меня зависти и досады, приходя к столу, при котором я читал псалмы, своими сапогами толкал по моим ногам до такой боли, что я до слез доходил. Вдова, хотя и увидит такие шалости своего племянника, однако более ничего не скажет ему, и то протяжно, как нехотя: “Полно тебе шутить, Ванюшка”, и будто не видит она, что от Иванушкиной шутки у меня из глаз слезы текут» [34].

Однажды во время прогулки по саду любимый племянник тетушки стал инициатором «обивки» яблоч с яблони без разрешения вдовы. А так как вместе с Ванюшкой на прогулке находился мемуарист и молодой слуга, который учил мальчиков грамоте, то именно они понесли наказание за «грехи» любимца вдовы: «Донесено было сие преступле-

---

²⁰ *Елизаветина Г.Г.* Становление жанра автобиографии и мемуаров. С. 257.

²¹ Здесь и далее цит. по: *Данилов М.В.* Записки артиллерии майора М.В. Данилова, написанные им самим в 1771 году. М. : Тип. С. Селивановского, 1842 (с указанием страниц в тексте статьи).

ние тетке... она приказала всех нас троих привести перед себя на нелегальный суд и, в страх племяннику, приказала с великим гневом поднять непременно невинного слугу и учителя нашего на козел, и секли его очень долгое время немилостиво, причитая: “Не обивай яблок с яблони”. Потом и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козел, и было мне удара три подарено в спину, хотя я, как и учитель наш, яблок отнюдь не обивал. Племянник оробел и мнил, что, не дойдет ли и до него по порядку очередь к наказанию, однако страх его был тщетный; только вдова изволила ему сделать выговор в такой силе “что дурно-де, непригоже, сударь, так делать и яблоки обивать без спросу моего”; а после, поцеловав его, сказала: “Чаятельно ты, Иванушка, давеча испугался, как секли твоих товарищей; не бойся, голубчик, я тебя никогда сечь не стану”» [40]. Чем не взаимоотношения Простаковой с любезным ее сердцу Митрофанушкой! А ведь комедия Фонвизина будет написана спустя 11 лет после появления записок Данилова.

Сам Данилов родился в 1722 году в старинной, но небогатой и многодетной дворянской семье. Поэтому практически все свое детство он провел у разных родственников, где учился грамоте, главным образом, по часослову и псалтыри. В 1737 году 15 лет от роду Данилов поступил в артиллерийскую школу в Москве, а через три года уже начал свою службу в армии фейерверкером. Это была очень важная профессия для своего времени, так как устройство великолепных фейерверков составляло неременный элемент пышного, в стиле барокко, великолепия официальных празднеств в елизаветинское царствование. В 1759 году Данилов женился на богатой вдове, имеющей около 900 крепостных, в этот же год вышел в отставку в чине капитана и поселился в своем имении, где и прожил до конца жизни. Чин майора, заявленный автором в названии записок, он получил только после воцарения Екатерины II.

Замысел своих записок автор определял следующим образом: «Живучи в деревне, в свободных мыслях и безмятежном сельском житии находясь празден, без всякого дела, возмнил я написать происшествие фамилии нашей Даниловых...» [1]. Именно этот замысел по существу и определяет специфику даниловской «утопии как реальности». Композиционно треть (!) «Записок» Данилова посвящена истории рода Даниловых. При этом важность создания генеалогии рода в предисловии к запискам объясняется не только дворянской гордостью мелкопоместных Даниловых, о происхождении которых автор записок нашел информацию в Бархатной книге российских дворянских родов (30 глава, номер 212 на листу 532). Необходимость создания жизне-

описания своего не знатного, не богатого и не славного героическими подвигами рода объясняется мемуаристом ссылкой на известного английского просветителя А. Поупа и его поэму «Опыт о человеке». Данилов пишет: «Многие есть дворяне, кои, несмотря на свое недостойнство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповедуют и бесстыдно гордятся знатностью своего рода и древностью фамилии, таковым можно сказать пословицу: “кто хвалится знатностью своего рода, а без своих заслуг, тот хвалится чужим”. Примером сему и Английский стихотворец господин Поупа написал в 4-м письме» [4]. Далее автором приводится большой отрывок из поэмы Поупа, который может рассматриваться в качестве своеобразного эпиграфа к запискам в целом:

Чин, титул, чести знак, царь можешь дать удобно;
Царь! Временщик его то сделаешь способно
Твой род за тысячу пусть происходит лет
И от Лукреции начало пусть ведет,
Но из толикого прапрадедов народу,
Лишь теми ты свою показывай породу,
Которые в себе имели добрый дух
И удивили свет величеством заслуг.
Когда ж твой будет род старинный, но бесславный,
Не добродетельной, бездельной и злонравной,
То хоть бы он еще потопа прежде жил,
Но лучше умолчать, что он весь подлой был.
И не внушать другим, что чрез толико время
Заслуг твое отнюдь не показало племя.
Кто сам безумен, подл и в лености живет,
Того не красит род, хотя б Говард был дед [3].

Этот отрывок из Поупа сопровождается следующим авторским комментарием: «Из сего стихосложения ясно доказывает, что от человека содеянные добрые дела и заслуги увеличивают и возвышают род и фамилию его, а фамилия, хотя бы она прежде и знатна была, не может уже возвысить без достоинства человека. Один Грек, увидя ученого, который был родом Скиф, сказал ему от зависти, хотя затмить свою природою его учение: “Ведь ты Татарин”, – правда, отвечал Греку философ, что я Татарин, но мой род от меня начался, а твой род тобою скончается» [4].

Вообще поэма А. Поупа оказалась чрезвычайно полезной для развития мемуарно-автобиографической литературы в России: Поуп призывал быть внимательным к внутреннему миру человека, учил, что

человек должен познать самого себя. Конечно, можно вспомнить, что мысли об естественном равенстве людей, о необходимости «истинного» благородства звучали в русской литературе, начиная с эпохи А. Кантемира. В середине XVIII века их настойчиво проповедовал А. Сумароков. Однако не следует забывать, что и Кантемир, и Сумароков в своих сатирах чаще всего развенчивали «мнимое» благородство и тщеславную гордость дворянскую как воплощение некой страсти вообще, в лучшем случае воплощавшуюся в отдельных представителях человеческого рода, чья конкретная судьба являла собой иллюстративный материал для авторской доктрины. Данилов пишет свое собственное жизнеописание, создает некую модель своего поведения в обществе, не просто руководствуясь принципами «естественного равенства», но ориентируясь на антропологическую философию английского поэта. Именно это обстоятельство и определяет специфику даниловской «утопии как реальности», исключительная достоверность которой во многом объясняется природной искренностью и поразительным простодушием автора.

Во-первых, Поуп, как известно, реабилитировал человеческие страсти, утверждая, что только соединение разума и страстей делает человека человеком. Поуп писал:

Наш кормчий – разум, чья беспорна власть;
Для парусов, однако, ветер – страсть.
Не только тишь являет Бога нам,
Бог шествует и в бурю по волнам.
Страсть со страстями прочими в борьбе,
Но все стихии мирится в тебе;
И, страсти своенравно истребя,
Разрушил бы ты самого себя.
И Бога, и Природу почитай
И со страстями разум сочтай²².

Для Данилова величайшей страстью в его жизни была любовь, охватившая юного фейерверкера и направленная на дочь кучера-иностранца, служившего у астронома Делиля, Шарлоту.

С высоты прожитых лет и нажитого опыта Данилов строго осуждает себя за подобную страсть, виной которой была «праздность и безделье» [63], с «сожалением вспоминаю, что я жил тогда в отдаленности от команды и погружен был в толь свойственные молодому человеку непристойности» [63]. В соответствии с аберрацией личной точки

---

²² Поуп А. Опыт о человеке. С. 158.

зрения мемуариста Данилов характеризует свою бывшую возлюбленную следующим образом: «Девка лет осьмнадцати; она была средней красоты, так как и ее разум, но молодость ее сделали у меня об ней лишнее внимание» [63].

Тем не менее, замечателен психологизм, с которым мемуарист описывает свои противоречивые чувства: «...мнил я овладеть собой, положил противиться привычке свидания, и, чтобы не быть повержену в полную власть любовного предмета, отложил частое свидание с Шарлотою и не выходил со двора никуда недели по две, дабы не видеть ее; однако она никогда из мыслей моих не выходила» [64]. Но все было напрасно, так как Данилов, по его собственным словам, «был тогда подобен как некоторый стихотворец страстного человека изображает стихами»:

Я холоден как лед, но в пламени горю,
Смеюся и грущу, о том и говорю [64-65].

Ради своего чувства Данилов оставил прежде любимые свои занятия: чтение книг и рисование. Чувство побуждало его «всякий час видеть Шарлоту» [64]. Ради этого он «находил случаи сидеть у отца ее целый день и разговаривать всякий вздор, сам питался страстным зрением и любовными разговорами с Шарлотою» [64]. Данилов объясняет свое состояние тем обстоятельством, что страсть охватила его в первый раз.

И все же автор достаточно быстро овладевает собою, обретает разум, чему способствовала созданная как раз в это время императрицей Елизаветой Комиссия, расследующая дела молодых людей (прежде всего офицеров), живущих безбрачно. «Сие произведение (комиссия – Е. П.), – пишет Данилов, – привело меня ко вниманию о Шарлоте, для того, что которая в любовницах хотя и кажется приятна, но в женах быть не годится за низкостью своего рода» [67]. По зрелым размышлениям он приходит к выводу, что женщины подобные Шарлоте, то есть иностранки-разночинки, не являются достойной парой для русского офицера-дворянина.

Дальнейшее поведение Данилова с Шарлотою, безусловно, вызвало бы критику людей эпохи сентиментализма, так как оно поразительно напоминает финал истории карамзинского Эраста и Лизы, к счастью, без трагической развязки. Командированный по делам службы в Ригу, он после своего возвращения решительно и достаточно жестоко порывает с искренне любившей его девушкой. Причем, признается в этом мемуарист совершенно спокойно и простоудшно: «Ус-

лышав приезд мой в Петербург, бывшая моя Шарлота явилась ко мне на квартиру, с таковым чаятельно намерением, дабы быть в прежней ее должности, брать белье для мытья; я сказал ей с небольшим сожалением, что место, где я живу, не позволяет вашему бывать присутствию для того, что со мной живут офицеры, так девушке ходить неприлично, а для мытья белье буду присылать к вам с моим слугою. Я тогда сам своей перемене дивился, что так скоро сделал отвычку от Шарлоты, чего прежде вообразить страшился; из сего заключаю, что нет полезнее исцеления каждому молодому человеку от любовной страсти, хотя кому и покажется невозможным, как удалиться бегством» [71].

И все же Данилов не может не объяснить причину такой перемены. Истинная причина заключается в посещении мемуаристом в Риге публичного дома, где он наглядно увидел следствия «галантной» любви, столь ценимой в XVIII веке: «...в загородках сидящие и стоящие мумии, у коих голова и лицо были обвязаны полотном, отягощены болезнью, в которой они, по-видимому, страждут и страдать будут до конца своей жизни неизбежно» [70]. Подобная «правда голого факта», не мыслимая в художественной литературе данного периода, была достаточно обычной для мемуарной литературы XVIII века.

Во-вторых, Поуп учил своих читателей относиться к несчастьям с мудрым стоицизмом, осознавая, что мир создан Богом не исключительно для тебя, следовательно, не следует ждать от жизни абсолютных для тебя благ:

Зачем земля, зачем сиянье дня?
Мнит гордость: «Это только для меня
Цветок мне предназначен, как и знак...
Принадлежит мне в мире каждый клад,
Все родники здоровье мне сулят
Земля – мое подножье, а навес
Над головой моею – свод небес²³.

Такое мироощущение позволяло Данилову очень по-философски относиться ко всем ударам судьбы и несправедливостям. А несправедливости в своей жизни автору пришлось испытать предостаточно, так как автор поистине был «маленьким человеком» в сословном иерархическом обществе.

Отец мемуариста, Василий Гурьевич Данилов, солдат гвардии Преображенского полка в Петровскую эпоху, был изувечен в сраже-

---

²³ Поуп А. Опыт о человеке. С. 148.

нии при Нарве: у него было отстрелено три пальца на левой руке. После этого он был отставлен от службы, получив при отставке чин капрала. По бедности ему приходилось жить у богатого родственника Милославского, «который не более делал ему одолжения как дневной пищей при своем столе» [18]. Впоследствии родной старший брат Петр фактически лишает отца мемуариста отцовского наследства, и тому опять приходится обращаться за помощью к своим родственникам-благодетелям, знатым господам.

Рождение мемуариста и дни его младенчества были сопряжены со страшным испытанием для его семьи. На родителей Данилова, ехавшими с малолетним сыном от одних из благодетелей, недалеко от дома нападают разбойники, до полусмерти избивают отца мемуариста, грабят их под чистую, отбирают у них лошадей, оставив в таком виде на жестоком морозе, от чего младенец едва не замерз.

Детские годы Данилова были омрачены воспоминанием о пребывании у равнодушных к нему богатых родственников, воспитание и образование у которых иногда едва не стоило ему жизни. Чего стоит рассказ о дядюшке-пьянице, который во время зимних поездок на охоту заставляет 10-летнего мальчика всю дорогу стоять за его коляской вместе с кучерами, отчего мальчик чуть не умирает от холода.

Юный фурьер Данилов подвергается настойчивым преследованиям со стороны своего непосредственного командира, капитана Воейкова, который «был человек бесстыдный, наглый во всех своих поступках, а порок его скверный превзошел все его худые дела, по которому он во многих судах и следствиях находился» [60]. Желая сломить сопротивление Данилова, Воейков заставляет мемуариста по нескольку раз ходить к себе на квартиру за самой малой нуждой, все время посылая за ним своего ординарца. Даже ночью Данилову приходится ходить через пустынную Яузскую фабрику, «от собак, коих было множество злейших, великий страх претерпевал и мучение, обороняясь долгое время палашом» и приходя от этого «в бессилие» [60]. Мемуарист пишет: «Сначала не мог я дознаться ни по чему, за чтоб на меня такая великая злость и гонения обращены от Воейкова безвинно: я ж был тогда в столь малом чине, что никак себя защитить не был в состоянии» [61]. А ведь Данилов был дворянином, и происходило это уже в относительно просвещенную елизаветинскую эпоху!

В 1752 году, уже будучи подпоручиком, Данилов открыл тайну «зеленого огня», который можно было использовать в фейерверках и который до этого в России не употреблялся. Изобретение Данилова было по достоинству оценено современниками. Не без некоторого самодовольства мемуарист вспоминает, как командующий артиллерией

генерал М.А. Толстой отзывается об изобретении Данилова следующим образом: «Секрет зеленого огня не менее Колумбусова яйца удивителен» [73]. Однако этот же генерал Толстой требует от мемуариста и его сотоварища по изобретению Мартынова «приписать» «к сей выдумке зеленого огня третьего офицера, своего племянника Иевлева, дабы, в случае чаемого нам за сию редкость награждения, и племянник его Иевлев участник был» [74]. В результате последующих интриг награжден за «зеленый огонь» был только племянник генерала, а главный виновник изобретения – Данилов – оказался полностью обойденным.

Даже женитьба Данилова на богатой вдове, имеющей около 900 душ крестьян, вызвала неудовольствие начальства, которое вынудила Данилова, в общем, совсем еще молодого человека, против его воли, выйти в отставку в чине капитана. При этом в качестве «гонителя» мемуариста выступает всесильный граф П. Шувалов и его «могущественная» жена М. Шелепова, первая статс-дама императрицы Елизаветы. В обход существующих правил, они лишают Данилова даже возможности получить при отставке чин майора, хлопотать об этом мемуаристу придется уже в царствование императрицы Екатерины II. Наконец, не надо забывать обстоятельства, которое открывается уже на последних страницах записок. Все дети, рожденные у Данилова в браке с его женой, «вдовой Нечаева», умерли во младенчестве, что доставило мемуаристу большое горе, которое он не скрывает от читателей. Более того, даже дети супруги Данилова от предыдущего брака, которых мемуарист искренно любил, а пасынка Николая воспитывал и обучал, как родного сына, умерли в очень молодом возрасте. От горя жена Данилова проплакала все свои глаза и едва не ослепла. Тем не менее, несмотря на все эти горести и жизненные огорчения, записки Данилова отнюдь не пессимистичны. Внимательный читатель и ученик А. Поупа, он хорошо усвоил мудрость английского поэта:

В разладе лад, не явленный земле;
Всемирное добро в частичном зле,
Так покорись, воздай творенью честь:
Поистине *все хорошо, что есть*²⁴.

Записки Данилова кончаются рассказом о получении им, наконец, в 1765 году июня 3 дня от Военной коллегии долгожданного чина майора и о публикации им «Артиллерийского знания» книжки, в которой он рассматривал основы, в том числе, и фейерверкерного

---

²⁴ Поуп А. Опыт о человеке. С. 153.

искусства. Причем эта книжка должна была удовлетворить не только собственное тщеславие автора, но явиться ответом на настоятельные просьбы его друзей и приятелей написать «ученые записки» для их детей или же стать их учителем. «Но я свою вольность никому в такую должность не рекомендовал, а нашел средство всем им услужить: написал я Артиллерийского знания книжку, отдал ее напечатать, роздал всем моим приятелям и тем всех их удовольствовал за 250 рублей, что я заплатил за печатание книжки» [130]. В этом желании служить другим, а не только себе, тоже можно увидеть поуповскую установку:

По воле неба другу нужен друг,
А господам не обойтись без слуг;
Так все всегда друг другу мы нужны;
Пусть каждый слаб, все вместе мы сильны²⁵.
Природою нам знанье внушено:
С Блаженством Добродетель заодно,
И лучший путь к Блаженству – это труд
На благо тех, что на земле живут²⁶.

Наконец, в-третьих, хочется отметить, что Поуп одним из первых научил русских писателей не стремиться к однозначному дидактичному и ортодоксальному разграничению «добра» и «зла», как это было характерно для русской классицистической литературы того времени: Поуп писал:

И наблюдатель не всегда бы мог
Постичь, где добродетель, где порок²⁷.

Эта нравственная терпимость, если не сказать релятивизм, особенно отчетливо проявляется в той части записок, где Данилов описывает военные приключения своего юного пасынка Николая на театре военных действий турецкой кампании. Однажды во время осады крепости Бендеры слуга Николая спасает своего оробевшего юного господина ценой жизни раненого русского солдата и погонщика, которых он сталкивает с подводы в виду турецких наездников. Данилов так пишет об этом эпизоде: «...посаждая пасынка на подводу, увез его от неопределенного ему рока, а погонщик с солдатом в их виду были от турок изрублены, так мой пасынок на тогдашний час спас свою жизнь

---

²⁵ Поуп А. Опыт о человеке. С. 162.

²⁶ Там же. С. 186.

²⁷ Там же. С. 161.

смертию других» [123]. Случай действительно неоднозначный, и Данилов удерживается от какой-либо оценки происходящего. Слуга спасает от верной смерти своего господина (поступок, безусловно, героический!) ценой смерти не себя (как хочет сделать Савельич в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина), но двух незнакомых ему людей, тем более, явно низкого сословия. Тем не менее, у Данилова не случайно присутствуют слова о «неопределенном роке». Спасшись в этот раз, пасынок Данилова все же не избежал гибели, при этом в его смерти стал повинен человек, допустивший его гибель из-за корыстных соображений. Пьяный и не умеющий плавать молодой человек, утонул, упав с лошади, на которой он переправлялся через реку. Видевший все это возчик, не подал ему помощи и даже утаил сам факт его гибели, желая поживиться деньгами, находящимися у утопленника. В этом случае реакция Данилова вполне определена и однозначна: «...этот адский слуга Харонов видел утопшего гибель и страдания, но не только несчастному подать помощь от потопления, даже и место подлинно указать не хотел, на котором он утонул. Вот какие есть чуды в роде человеческом!» [127]. Для сравнения у Поупа читаем:

Однако же недопустимый бред –
Считать, что разницы меж ними нет²⁸.
Хоть можно с черным белое смешать,
Их тождество нельзя провозглашать.
А если спутаешь добро со злом,
Тебе грозит мучительный надлом.
<...>
Знай: Счастье – вершина Доброты,
Чем милосердней, тем счастливей ты²⁹.

Подобная ориентация на идеалы европейского Просвещения в «Записках» Данилова не должна нас удивлять, так как, несмотря на свой небольшой чин, мемуарист был достаточно образованным человеком. Он был широко начитан в европейской литературе своего времени, был поклонником Р. Декарта и М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо и Вольтера. В 1760–70-е годы Данилов сам выступал на литературном поприще с трактатами на религиозно-философские темы. Самым известным из его произведений стал трактат «О совести», в котором он рассуждает о методах воспитания и опять цитирует поэму А. Поупа «Опыт о человеке», которая стала для него философской основой

---

²⁸ Между добродетелью и пороком. – Е.П.

²⁹ Поуп А. Опыт о человеке. С. 161, 187.

«утопии как реальности». Ведь именно Поуп писал:

Страсть с Разумом соединить не грех;
Себя мы любим, если любим всех;
Со счастьем добродетель заодно;
Познать нам лишь самих себя дано.
Всей жизни стоит, скажем без прикрас,
Один достойно проведенный час³⁰.

И, наконец, финальный вывод, полностью выдержанный в духе антропоцентризма эпохи Просвещения:

Всех тварей лучше честный Человек³¹.

Эти слова А. Поупа в полной мере соответствовали специфике просветительской эстетики, когда, по словам А.П. Валицкой, «в учении теоретиков Просвещения о человеке он предстает как “цель” движения природы к совершенству и в то же время как “средство” совершенствования мира»³². В этом отношении жизнь «маленького человека» середины XVIII века, майора Данилова, оказалась не менее поучительной и важной для формирующегося антропоцентрического дискурса русской словесности, чем жизнь императрицы Екатерины II или писателя А.Н. Радищева.

---

³⁰ Поуп А. Опыт о человеке. С. 183.

³¹ Там же.

³² Валицкая А.П. Русская эстетика XVIII века. М. : Искусство, 1983. С. 8.